

мента, каким он был опубликован, замечания драматурга по крестьянскому вопросу уже отношения не имели. И тем не менее его высказывания по данному вопросу, по-видимому, сыграли свою роль при редактировании текста «Наказа».

Как справедливо было отмечено Г. В. Вернадским, вопрос о положении крепостного крестьянства являлся оборотной стороной вопроса о дворянской вольности и привилегиях благородного сословия.¹⁹ Именно поэтому он занял едва ли не центральное место в работе Комиссии по составлению Нового уложения.²⁰ И именно этим объясняются попытки Екатерины II обсудить на страницах «Наказа» юридические аспекты возможностей смягчения крепостного права и облегчения положения закрепощенного крестьянства в России. Наличие крепостного права выводится ею как неизбежное следствие общественной иерархии, сопровождающей любое устройство социума. «253. Гражданское общество, так как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются.

254. И сие есть начало всякого рода покорности. <...>

255. И так, когда закон естественный повелевает нам по силе нашей о благополучии всех людей пещися, как вообще, так и каждого особливо; то обязаны мы состояние и сих подвластных облегчать, сколько возможность есть; следовательно, и избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю, разве крайняя необходимость к учинению того привлечет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной» (152—153).

В первоначальной редакции «Наказа», которую и читал Сумароков, после этих основополагающих пунктов, уже заключающих в себе скрытую идею нежелательности «приведения людей в неволю»,²¹ следовали многочисленные ссылки на исторические примеры юридических норм отношения к рабам в древних обществах, принятых у германцев, древних греков, римлян. Большинство этих справок в окончательной редакции XI главы «Наказа» было опущено. Однако в контексте этих исторических отсылок рассуждения о юридическом обеспечении предотвращения злоупотреблений рабством, сопровождаемые заимствованными у Монтескье примерами из практики рабовладения в Лакедемоне или Древнем Риме, не могли не носить в условиях России двусмысленного характера.

Приведя пример полного бесправия илотов в Спарте, Козицкий выводит из этого положение о необходимости правового обеспечения борьбы с «злоупотреблениями рабства»: «261. ...надлежит, чтоб

¹⁹ Сборник Общества исторических, филологических и социальных наук при Пермском университете. Вып. I. С. 14—15.

²⁰ См. об этом: Флоровский А. В. Из истории Екатерининской Законодательной Комиссии 1767 г.: Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910.

²¹ В варианте, подготовленном Г. В. Козицким, значилось «в рабство», но Екатерина II смягчила формулировку.